

ЮБИЛЯРЫ 2024 ГОДА

Михаил Андреев	– 6 января	70 лет
Татьяна Мейко	– 12 января	60 лет
Ирина Евтихиева	– 15 января	65 лет
Николай Серебренников	– 27 января	70 лет
Оксана Чайковская	– 15 февраля	55 лет
Владимир Крюков	– 11 апреля	75 лет
Сергей Куклин	– 9 мая	65 лет
Кирилл Хамов	– 18 июня	40 лет
Александр Цыганков	– 12 августа	65 лет
Сергей Максимов	– 1 сентября	65 лет
Елена Кириллова	– 18 сентября	65 лет
Олег Кислицкий	– 25 ноября	70 лет

ВСТРЕЧА В ДОМЕ ИСКУССТВ

Курсанты Томского кадетского корпуса встретились с ветераном боевых действий, участником СВО Игорем Юрьевичем БАТРАГАРЕЕВЫМ.

Во встрече приняли участия руководитель Томского комитета семей воинов Отечества Диана Викторовна Смолева, томские писатели Владимир Соловьев, Дмитрий Барчук, Геннадий Скарлыгин.

Писатель в школе

14 марта литератор Владимир Крюков побывал в селе Семилужки Томского района. Он был гостем учеников средней школы. Учитель русского языка и литературы Лилия Вильямовна Клепач представила писателя старшеклассникам. На этой встрече ребята задавали самые разные вопросы. Как становятся писателем? Почему грустны финалы ваших рассказов? Как вы начали писать стихи и прозу? Кого можно считать настоящим поэтом?

Гость напомнил ребятам, что именно в селе Семилужки жил Владимир Брусьянин – настоящий большой поэт, и что эта «настоящность» определяется просто: если при чтении озноб проходит по телу, значит, стихи отзываются в тебе. Писателями становятся по-разному, у каждого свой опыт, своя дорога, но всем, пожалуй, необходимо сегодня базовое образование, то есть общая культура.

Ученики младших классов в этот день стали участниками конкурса чтецов, и литератор оказался членом жюри этого конкурса. Надо сказать, что по его условиям читают ребята прозу, и они легко и выразительно воспроизводили большие фрагменты из Пришвина, Платонова, Бажова. А в классе в числе болельщиков сидели их наставники-учителя. Школьный конкурс – это первая ступенька на пути к большому областному, и сейчас есть возможность поработать над ошибками.

«Про текст»

Третий сезон на базе «Дома искусств» работает литературная студия «Про текст».

За это время более 30 лекций о литературе и писателях были открыты для посещения, организованы встречи с местными и приглашенными авторами.

В результате работы студии в городе появился новый арт-объект – литературная инсталляция «Жизнь как год».

Завершая второй сезон, студийцы выпустили свой первый поэтический сборник «По частям».

ДАНИИЛ ПЯТКИН СТЕПАН ДАВЫДОВ ЕГОР ЕВСЮКОВ ОЛЕГ СЕДЕЛЬНИКОВ

Владимир Иванович Козубов, недавно отметивший 75-летие, – постоянный автор журнала «Начало века». Печатается далеко за пределами нашего региона – в «Уральском следопыте», «Литературной газете», «Сельской жизни». Давняя творческая дружба связывает его с журналом «Воин России».

ИМЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА

ФРАГМЕНТ ИЗ НОВОЙ КНИГИ ГАЛИНЫ КЛИМОВСКОЙ «ЛУНЕЮЩИЕ ОБЛАКА»

Наслышавшись и начитавшись много хорошего о Пушкинском Доме – Институте русской литературы Академии наук... Нет, вы, конечно, о нём слышали – ещё от Блока: «Имя Пушкинского Дома в Академии наук»... А тут ещё в последние годы этот Битов мистического туману в него напустил: самопадающие здесь со старинных столов раритетные пепельницы, ночные призраки Пушкина, Гоголя...

Вот надыхавшись всем этим, решила я (видит бог – по нашей извечной провинциальной наивности) провести часть своего командировочного срока именно в стенах Пушкинского Дома. Конкретно – в отделе древнерусской литературы, где, по проверенным слухам, имелся приличный фонд древнерусских текстов XVII века. Дело в том, что в этих текстах лежала разгадка давно мучавшего меня вопроса о том, почему и при каких обстоятельствах исконно постпозитивное по отношению к существованию прилагательное в русском языке перешло в препозицию. Было «домъ новъ», а стало «новый дом»...

И вот в один не из самых прекрасных моих командировочных дней девятости второго года заявила я часам к десяти утра в этот самый храм науки – поблизости от Ростральных колонн.

Неувязки начались с самого порога. Моё командировочное удостоверение, свободно открывшее мне двери – врата! – в саму БАН (Библиотеку Академии наук), на вахтера Пушкинского Дома не произвело должного впечатления. Он куда-то долго звонил, что-то уточнял, сопоставлял его и мои полномочия. Но в конце концов впустил.

В гардеробе тоже возникли некие трения. Дескать, «свои» здесь раздеваются наверху, в своих отделах, а в гардеробе только некие особо важные VIP-ы от науки, и то больше иностранцы, к коим я никак не отношусь. И только когда я оставила свое пальтецо на диванчике рядом с гардеробом и двинулась к лестнице на второй этаж, мне вдогонку был вручен номерок.

Вот и надо бы было на этом всё закончить и уйти. Что же это такое?.. Но...

Но вот я в подпорченном, но всё ещё в энтузиастическом настроении на втором этаже храма, в широком, чуть поуже Дворцовой площади, коридоре. По обе стороны его – двери с табличками: отдел такой-то, такой-то... И нигде ни одного человека, в пору «ау!» кричать. Да уж есть ли тут кто живой, подумалось. Я уж и на призраков была согласна.

Наконец на одной из подслеповатых от времени табличек обозначилось: «Отдел древнерусской литературы». Поразмыслив с минуту, нужно ли тут стучать, прежде чем войти, и решив, что нет, и всё-таки робко приоткрыв тяжёлую дверь, вошла.

Что я ожидала увидеть за этой дверью? Некое подобие читального зала: стеллажи, столы, за одним из которых мне найдется рабочее местечко. Но – никаких стеллажей, только хаотичное множество заваленных книгами и бумагами столов, ни за одним из которых не предвидится свободного уголка. И где-то в эпицентре этого хаоса человека три как-то буднично переругиваются между собой. На мое «здравствуйте» ни ответа ни привета, ни даже «Вам кого?». Или хотя бы «Вам чего?». Сразу захотелось – и надо было! – уйти. Уйти совсем, как поётся в романсе.

Однако я взяла себя в руки, ещё раз, погромче, поздоровалась. Ко мне обернулись, без всякой радости выслушали, «чего мне», невежливо осведомились, умею ли я, вообще говоря, читать тексты XVII века. А чтение их действительно требует особого умения: так сложна в них система сокращённого написания слов и надстрочных знаков. Да, ответила я, я прочитала все тексты этой эпохи, хранящиеся в БАНе, но там их не очень много...

Только что не ворча вслух, меня поставили в известность, что вообще-то тут у них не читальный зал, посторонним вход воспрещен, но раз уж я зачем-то прибыла сюда из самой Сибири, то так уж и быть, к завтрашнему дню для меня расчищают угол одного из столов, но только на три дня, пока единовластная хозяйка его находится на больничном листе.

С этим их вялым обещанием и своим твердым решением не приходите сюда никогда больше, вышла я в коридор. Лицо горело как от пощёчины – хотя до сих пор от пощёчин милостивая моя судьба меня избавила, но из художественной литературы я представляла, что это и как...

Но, отдышавшись, я решила всё-таки в честь окончательного распрощания с холодным Пушкинским Домом

ещё раз пройтись по его пустым коридорам. Уж раз я всё-таки здесь...

Ну, прошлась туда-сюда. И вот, когда я уже возвращалась из дальнего конца коридора к центральной лестнице, ведущей вниз, к выходу, дверь одного из этих безмолвных кабинетов медленно открылась, и так же медленно из неё вышел очень пожилой, высокий, худощавый человек, сразу видно, что очень нездоровый. Присмотревшись, я почти с ужасом узнала в нём Дмитрия Сергеевича Лихачева – академика, мировой известности специалиста по древнерусской литературе, страдальца и борца не только за свою конкретную науку, и за всё остальное тоже, за культуру вообще.

Я, может быть, ещё бы посомневалась, он ли это, в конце концов в коридоре было полутемно. Но на нём был примечательной вязки пуловер, пододевший под пиджак. И именно в этом пуловере он был запечатлен на фотопортрете, помещённом в маленькой по формату и объёму, но очень важной по содержанию книге – «Письма о добром и прекрасном». Своеобразным нравственным завещанием этого великого человека и одновременно кодексе чести порядочного человека...

Пока я осмысливала всё это и соображала, что же мне делать: пройти мимо просто так или всё-таки поздороваться, не будучи лично знакома с Дмитрием Сергеевичем, я услышала: «Здравствуйте, сударыня. Могу я Вам помочь?..»

Чем он мог мне помочь? Войти со мной в этот «Отдел древнерусской литературы» и своей властью тотчас же разгородить мне уголок для работы? В ужасе от такого поворота событий я сбивчиво поздоровалась и, боюсь, не очень вразумительно пробормотала, что у меня всё в порядке... и вообще всё в порядке. Всё хорошо, всё хорошо – вспомнилась некстати прекрасная маркиза... Да нет, именно что к стати...

Наверное, я не была достаточно убедительна. Дмитрий Сергеевич двумя своими невесомыми руками пожал мне руку, свободную от папки с бумагами, поклонился и свернул по коридору куда-то за угол.

Я, теперь уже не мешкая ни секунды, двинулась к лестнице, спеша покинуть этот храм со всеми его злыми и добрыми духами и выбраться наконец на волю – к Ростральным колоннам, к остановке 47-го трамвая, идущего через Дворцовый мост в центр города, где прямо на Невском проспекте, как известно, расположена не столь престижная в научном плане, но, по слухам, демократичная, без лишних затей, «публичка» – публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. В которой также хранится некоторое количество нужных мне позарез древнерусских текстов XVII века...

Однако с последней ступени лестницы, уже на первом этаже, я увидела ещё одну табличку на двери – «Буфет» и решила зайти туда из двух соображений. Во-первых, в надежде обнаружить там что-нибудь

съестное, а во-вторых, спросить у кого-нибудь из освещённых лучше меня, на какой остановке на Невском проспекте нужно сойти, чтобы попасть напрямик в эту «публичку».

Однако в буфете оказалось пусто во всех смыслах – ничего и никого. Даже буфетчицы. По всей видимости, не мне одной не досталось рабочего места наверху.

Мне показалось очень уместным и перспективным именно у этого молодого человека узнать, с какой же остановкой на Невском соседствует «публичка».

Странно, но меня лишь немного удивило то, что навстречу моему вопросу молодой человек встал и начал как-то чересчур внимательно следить за моими губами, как бы не надеясь на свой слух. Что-то кольнуло у меня внутри: такой молодой – и вот глуховат, если не совсем глухой: читает по губам... Уже не надеясь на ответ, я всё-таки повторила вопрос, отчётливо артикулируя каждое слово.

Но мой собеседник понял мой вопрос – и дал ответ: «Ка-астыни твор»...

Вот оно в чём дело, наконец поняла я. Он не русский. То ли иранец, то ли египтянин. Потому и встал на ноги в разговоре со мной. Образованный восточный человек...

Гостинный двор – вот какая остановка мне была нужна. Мне стало очень стыдно: он, иностранец, знает, а я не удосужилась заранее и из менее экзотического источника узнать, где на нашем родном Невском проспекте расположилась наша родная Национальная Российская публичная библиотека... имени М.Е. Салтыкова-Щедрина... «публичка»...

Но вот – с тех пор знаю: как пройдёшь Гостинный двор, так она сразу же левым торцом своим выходит на Невский проспект... А фасадом – на тот самый парк, посередине которого на высоком постаменте утвердилась надолго Екатерина Вторая.

«Публичка» встретила меня неразборчиво гостеприимно: много вас тут ходило и ходит по этим узким, путаным, дышащим историей и на ладан коридорам, протирает штаны и юбки в этих тесных залах и зальцах, до дыр уже затёрли библиографические карточки и справочники... Действительно, демократично, уютно. С первого же захода возникает ощущение, что век бы тут ходил, шуршал книгами и тетрадами... И в буфете всегда находилось что-нибудь, за чем имело смысл выстаивать получасовые очереди...

А Пушкинский Дом... Я за давностью лет прощаю сотрудникам Отдела древнерусской литературы их полухамское отношение ко мне – они наверняка не читали «Письма о добром и прекрасном»... Кроме того, их столичный снобизм в отношении меня искуплен минутным разговором с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым. И восточной учтивостью того молодого человека. Что же он-то забыл или отыскал в русской литературе?..

Ка-астыни твор...

Галина Климовская
Лунеющие облака

